

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ КЛИМАТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ОБОРОТА УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ

DOI: 10.18254/S231243500022875-0

Оригинальная статья/Original Article

УГЛЕРОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Е.А. Сидорова*, **К.И. Хачатурова****

АО «СПБМТСБ», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: eshabunina@yandex.ru

** e-mail: k.khachaturova@s-pimex.ru

Аннотация. В целях реализации Парижского соглашения по климату, принятого на 21-й конференции ООН и направленного на снижение углеродного следа, принят Федеральный закон от 02.07.2021 № 296 – ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов». Данный закон вводит в гражданский оборот новую сущность – «углеродные единицы», которые могут быть переданы другому лицу на основании договора. Учитывая новизну данного объекта гражданских прав, в статье рассматривается возможность отнесения углеродных единиц к действующим объектам гражданских прав согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, предлагается подход к правовому регулированию договоров передачи углеродных единиц, а также анализируется возможность обращения углеродных единиц на организованных торгах.

Ключевые слова: энергетическое право, правовое регулирование биржевой.

Для цитирования: Сидорова Е.А., Хачатурова К.И. Углеродные единицы как объект гражданских прав // Правовой энергетический форум. 2022. № 4. С. 15–23. DOI: 10.18254/S231243500022875-0

CARBON UNITS AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

E.A. Sidorova *, **K.I. Khachaturova****

SPIMEX JSC, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: eshabunina@yandex.ru

** e-mail: k.khachaturova@s-pimex.ru

Abstract. Federal Law No. 296-FZ on Limiting Greenhouse Gas Emissions dd. July 2, 2021, was adopted to implement the Paris Climate Agreement adopted at the 21st UN Conference and meant to reduce the carbon footprint. The Law introduces a new article into the stream of commerce, “carbon units”, which can be transferred to another person under a contract. Taking into consideration the novelty of this object of civil rights, the article reviews the possibility of referring carbon units to the existing objects of civil rights as per Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, proposes an approach to the legal regulation of carbon unit transfer contracts, and analyzes the possibility of circulation of carbon units at exchanges.

Keywords: energy law, legal regulation of exchange trading, legal regulation of relations connected with greenhouse gas emissions, circulation of carbon units.

For citation: Sidorova E.A., Khachaturova. K.I. Carbon Units as an Object of Civil Rights. Energy Law Forum, 2022, Is. 4, pp. 15–23. DOI: 10.18254/S231243500022875-0

По состоянию на 2020 год глобальная средняя приземная температура воздуха на 1,1 градуса Цельсия превысила доиндустриальный уровень 1850 – 1900 годов [1], а уровень концентрации

парниковых газов в атмосфере был зафиксирован выше уровня, установленного в 2011–2019 годах. Возможными последствиями изменения климатических условий могут являться глобальное

потепление, увеличение экстремальных погодных явлений, риски деградации различных экосистем в результате изменения термического и влажностного режима. Во избежание последствий реализации климатических рисков в 2015 году на 21-й конференции ООН по климату было принято Парижское соглашение по климату. Статьей 6 Парижского соглашения учреждается механизм для содействия сокращению выбросов парниковых газов и поддержки устойчивого развития. Россия ратифицировала Парижское соглашение в 2019 году. В целях реализации Парижского соглашения принят Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов», устанавливающий необходимость обеспечения к 2030 году сокращения выбросов парниковых газов до 70 процентов относительно уровня 1990 года, а также необходимость обеспечения создания условий для реализации мер по сокращению, предотвращению выбросов парниковых газов и по увеличению поглощения таких газов. Указанные меры предусмотрены, в частности Федеральным законом от 02.07.2021 № 296 – ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (далее – Закон о парниковых газах). Создание и разработка нормативных правовых актов, направленных на создание условий для устойчивого и сбалансированного развития экономики Российской Федерации при снижении уровня выбросов парниковых газов, обоснованы не только экологическими и правовыми причинами, но и экономическими. В целях исполнения Парижского соглашения в Европейском союзе с 2023 года планируется к введению механизм трансграничного углеродного регулирования, который предусматривает сбор за импорт углеродоемких товаров в ЕС, производство которых связано с выбросами парниковых газов. Возможная уплата такого сбора российскими экспортёрами в бюджет ЕС стимулирует государство к принятию мер по созданию национальной системы углеродного регулирования и достижению признания такой системы зарубежными странами. Данные вопросы справедливо вызывают интерес и становятся предметом правовых исследований, о чем верно указывается В.В.Романовой.[2]

Согласно Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов, одобренным Советом директоров Банка России, в России планируется создание национальной системы торговли углеродными единицами. Обращение углеродных единиц допускается, в том числе на организованных торгах в целях формирования ценового индикатора и определения рыночной стоимости.

В связи с планируемым обращением углеродных единиц на биржевых торгах, актуальным является вопрос о правовой квалификации углеродных единиц, договоров, на основании которых передаются углеродные единицы, а также о допустимости их обращения на биржевых торгах.

Для целей организации биржевых торгов правовая квалификация объекта, допускаемого к торгам, т.е. товара согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (далее – Закон об организованных торгах), имеет существенное значение, поскольку в соответствии с пп.9 ч.1 ст.2 Закона об организованных торгах под товаром понимаются не изъятые из оборота вещи (за исключением ценных бумаг, иностранной валюты) определенного рода и качества, любого агрегатного состояния, допущенные к организованным торгам.

Закон о парниковых газах определяет, что углеродной единицей является верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа. Углеродные единицы не поименованы в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) как объект гражданских прав. Однако, учитывая диспозитивность норм гражданского права, отсутствие в ГК РФ закрытого перечня объектов гражданских прав, а также потенциальную экономическую ценность углеродных единиц и их оборотоспособность, можно предположить, что углеродные единицы являются объектом гражданских прав в смысле ст.128 ГК РФ, а вот в отношении вида такого объекта вопрос не так однозначен.

К объектам гражданских прав относят вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Очевидно, что углеродные единицы не являются результатами работ и оказанием услуг; охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальными благами. Возможность отнесения углеродных единиц к вещам, иному имуществу, в том числе имущественным правам предлагается проанализировать далее.

Углеродные единицы – вещь?

Углеродные единицы не имеют материального выражения т.е. являются «бестелесными», и не обладают агрегатным состоянием, поскольку представляют собой лишь результат, выраженный в массе

парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа и являются записью по счету оператора реестра углеродных единиц. В научной литературе наблюдается неоднозначность отнесения «бестелесных объектов», как например, электроэнергия, к вещам [3]. Судебная практика по вопросу отнесения «бестелесных» предметов к вещам практически отсутствует. Постановлением Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 г. N 1944/12 определено, что исходя из специфики бездокументарной акции *невозможно владеть ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания*. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 N 35-КГ21-1-К2 установлено, что «титульный знак WMZ является условной виртуальной учетной единицей, которую можно использовать только в рамках системы “Webmoney Transfer” – эмитента этих условных виртуальных единиц, *не является предметом материального мира, не существует в физически осязаемой форме, не обладает признаками вещи...*». К вещам относятся объекты, выраженные в материальном виде и осязаемой форме. Более того, в силу положений континентальной правовой доктрины, признающей вещами только материальные (телесные) предметы, на нематериальные объекты не могут быть распространены вещные права. Закон о парниковых газах не содержит упоминания о праве собственности и иных вещных правах на углеродные единицы. Правообладателем углеродных единиц является владелец – юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или физическое лицо, которым принадлежат углеродные единицы. Аналогичного подхода законодатель придерживается и в отношении бездокументарных ценных бумаг. Согласно ст.2 Федерального закона от 22.04.1996 №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» владелец – лицо, указанное в учетных записях (записях по лицевому счету или счету депо) в качестве правообладателя бездокументарных ценных бумаг, либо лицо, которому документарные ценные бумаги принадлежат на праве собственности или ином вещном праве.

Принимая во внимание изложенное, углеродные единицы не являются материальным физически осязаемым предметом, имеющим какое-либо агрегатное состояние, на который лицо может обладать правом собственности или иным вещным правом, а, следовательно, не являются вещью. В связи с этим, к углеродным единицам не могут быть применимы нормы ГК РФ, регулирующие отношения по поводу вещей, в частности возврат углеродных единиц не может быть осуществлен посредством вещно-правовых способов защиты.

Углеродные единицы – имущественные права?

Согласно ст. 128 ГК РФ к имущественным правам относятся цифровые права, бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства. Бездокументарные ценные бумаги представляют собой обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги (ст. 142 ГК РФ). Безналичные денежные средства являются правами требования владельца банковского счета в банке к обслуживающей его кредитной организации и являются записями на банковском счете их обладателя [4]. Цифровыми правами признаются названные в соответствующем законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы (ст. 141.1 ГК РФ).

Таким образом, имущественные права включают в свой состав, как правовое требование (обязательственные права), так иные права, имеющие денежное выражение, перечень которых законом не ограничен [5]. Так, например, имущественные права могут включать корпоративные права.

Помимо прав, которые должны включать имущественные права, такие права имеют еще одну характеристику – наличие потенциальной или действительной экономической ценности [6], заключающейся в том, что исполнение по таким правам имеет ценность. Имеют ли углеродные единицы такую ценность и подразумевает ли обладание такими единицами право требования или иные права?

Владельцы углеродных единиц имеют право требования к оператору о проведении операций с углеродными единицами в реестре, однако, представляется, что такое право требования не является коммерческой ценностью для обладателя единиц. Закон о парниковых газах не предусматривает материальное или какое-либо иное исполнение по таким углеродным единицам, т.е. владелец углеродной единицы не имеет права на получение дохода или осуществления права голоса или иных прав. Вместе с этим, сами по себе углеродные единицы имеют стоимость, так, например, согласно Постановлению Правительства РФ от 30.03.2022 № 518 «О порядке определения платы за оказание оператором услуг по проведению операций в реестре углеродных единиц» стоимость углеродной единицы признается равной 2000 рублей, а если углеродные единицы обращаются на организованных торгах, – средневзвешенной цене, определенной организатором торговли на основании данных последних 20 торговых дней, но не менее 2000 рублей.

Сравнительно-правовой анализ показывает наличие различий между имущественными правами и углеродными единицами. Углеродные единицы не обладают характеристиками присущими

имущественным правам, а именно: не подразумевают под собой обязательственных или иных прав, в настоящее время представляется не совсем явным наличие экономической ценности от обладания углеродными единицами: Закон о парниковых газах и принятые в соответствии с ним нормативные правовые акты пока не предлагают компаниям стимулов к развитию рынка углеродных единиц, например, льгот владельцам таких единиц.

Вместе с этим, стоит отметить, что помимо Закона о парниковых газах, есть также Федеральный закон от 06.03.2022 №34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», из положений которого представляется возможным сделать вывод, что углеродные единицы все-таки могут содержать отдельные черты имущественных прав. Так допускается зачет углеродных единиц и единиц выполнения квоты для целей выполнения квоты выбросов парниковых газов, устанавливаемой для определенных компаний. За превышение квоты вводится плата. В связи с этим, можно предположить, что данные единицы могут представлять права требования на уменьшение углеродного следа правообладателя таких единиц. Между тем возможность зачета в рамках квот устанавливается только в рамках отдельных экспериментов на определенной территории, но не Законом о парниковых газах.

Полагаем, что изначально замысел законодателя заключался в классификации углеродных единиц в качестве имущественных прав как следует из пояснительной записки к законопроекту «Об ограничении выбросов парниковых газов», в которой углеродные единицы упоминались как как новый институт имущественных прав [7], однако в настоящее время, исходя из положений Закона о парниковых газах, затруднительно отнести углеродные единицы к имущественным правам, учитывая приведенные различия между ними.

В европейском регулировании также нет единого подхода к правовой квалификации низкоуглеродных инструментов. Понятие «углеродные единицы» отсутствует, однако вместо него употребляется понятие «квоты на выбросы» (allowances).

Правовая сущность квот на выбросы является спорным вопросом в странах Евросоюза. Согласно Директиве 2003/87/ЕС [8] квота на выброс — разрешение на выброс эквивалента одной тонны углекислого газа в течение определенного периода времени, которое действительно только для целей соблюдения требований указанной директивы и подлежит передаче в соответствии с ее положениями. Квоты могут быть рассмотрены как имущественное

право, как право на выбросы предоставленное государством, что придает квотам административный характер регулирования, а также как сочетание имущественного и административного права. Наднациональное европейское регулирование (MIFID II, Directive 2003/87/ЕС и др.) не дает четкого ответа в части надлежащего регулирования квот, страны члены — ЕС самостоятельно выбирают режим регулирования квот. Так, например, в Бельгии, Великобритании и Франции квоты имеют черты имущественных прав, в то время как в Польше и Германии квоты включают элементы как имущественных, так и административных прав [9]. В Великобритании, Словении, Швеции, Хорватии, Австрии квоты являются имущественными правами в виде финансовых инструментов; в Испании, Финляндии — товарами; в Дании — бизнес активами [10].

В пользу подхода, квалифицирующего квоты на выбросы в качестве имущественных прав, может указывать следующее (по мнению Еврокомиссии):

Объектом имущественных прав является удовлетворение нужд человека. Имущественное право характеризуется автономным существованием (отделено от лица) и возможностью владеть им на исключительной основе.

Имущественные права подразделяются на материальные и нематериальные. Очевидно, что квоты относятся к последним.

Поскольку квоты распределяются на бесплатной основе государством, либо «получить» их можно посредством аукциона, означает, что квоты являются четко определенными, идентифицируемыми, персональными и уникальными; также на них распространяется исключительное право собственности владельца или право использования, которое нельзя отозвать.

Одной из характеристик имущества является обращаемость (например, владеть или продавать, покупать) без надзора публичных властей. Так, квоты являются свободно отчуждаемыми и обращаемыми, а также взаимозаменяемыми.

Регистрация в реестре имущественных прав похожа на обязательную регистрацию для некоторых определенных товаров (машины, судна и т.д.). Регистрация означает существование такого имущественного права. Реестр квот на выбросы отражает принадлежность квот на выбросы конкретным владельцам, тем самым реестр определяет существование квот и схожесть квот и имущественных прав.

Наличие гибкости имущественных прав (могут быть подвергнуты ограничениям со стороны других имущественных прав).

Любое лицо кроме владельца должно воздержаться от действий, которые могут предотвратить или затруднить использование владельцем его права.

Согласно статье 3 Directive 2003/87/ЕС квота определяется как квота на выброс эквивалента 1 тонны углекислого газа в течение определенного времени, т.е. у владельца квоты есть право на выброс загрязняющих веществ.

MIFID II относит квоты на выбросы к финансовым инструментам. Квалификация квот как финансового инструмента позволяет в рамках законодательства о финансовых рынках регулировать ликвидность рынка, способствует эффективности торговли, защите от рыночных злоупотреблений, увеличению уровня прозрачности рынка и обращению квот на вторичном рынке. Несмотря на перечисленные положительные стороны, с распространением MIFID II и иных актов на квоты, торговля квотами удорожилась (увеличились транзакционные издержки), часть капитала также может отвлекаться от прямых инвестиций в индустрию из-за повышенных требований к капиталу.[11] Включение квот на выбросы в качестве финансовых инструментов обосновано тем, что на вторичном спот рынке произошел ряд случаев мошенничества с квотами ЕС на выбросы, которые могли подорвать доверие к программе торговли квотами на выбросы учрежденной в соответствии с Директивой 2003/87/ЕС, поэтому для повышения целостности и обеспечения эффективного функционирования рынка, включая комплексный надзор за торговой деятельностью, в дополнение к мерам, принятым в соответствии с Директивой 2003/87/ЕС, целесообразно было включить квоты на выбросы в область действия MIFID II, присвоив им классификацию финансовых инструментов.

Углеродные единицы – иное имущество?

Учитывая проведенный анализ правовой квалификации углеродных единиц, полагаем, что углеродные единицы можно было бы определить и в качестве «иного имущества» согласно 128 ГК РФ, при этом, отметим, что ни ГК РФ, ни иные нормативные правовые акты не раскрывают содержания «иного имущества»[12]. Включение углеродных единиц в состав «имущества» не проясняет их правовой природы, поскольку «имущество» понятие собирательное[13], однако позволяет допустить углеродные единицы к гражданскому обороту.

В случае, если углеродные единицы являются иным имуществом, каким образом может быть осуществлена передача таких единиц и могут ли к таким сделкам применяться положения ГК РФ о купле-продаже?

Согласно Закону о парниковых газах сделка с углеродными единицами – договор или иная сделка в соответствии с ГК РФ, совершенная в целях передачи углеродных единиц. Статья 454 ГК РФ предусматривает, что по договору купли-продажи возможно передать только вещь. Положения статьи 454 ГК РФ применяются также к купле-продаже ценных бумаг и валютных ценностей, к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. Исходя из буквального содержания ст.454 ГК РФ, углеродные единицы в качестве иного имущества не могут быть переданы по договору купли-продажи.

Аналогичная проблема возникает и при рассмотрении вопроса о передаче криптовалюты. Криптовалюта согласно позиции некоторых авторов (Саженов А.В., Федоров Д.В.) относится к иному имуществу[14]. Саженов А.В. предполагает, что рассматривать продажу криптовалют можно как продажу чего-то третьего, и в таком случае такую сделку нельзя будет признать договором купли-продажи и придется прибегать к истолкованию такой сделки как смешанного или непоименованного договора (пользоваться аналогией) [15]. Схожей точки зрения придерживается и Савельев А.И., отмечая то, что квалификация криптовалюты в качестве иного имущества тем самым сравнима с квалификацией договора в качестве непоименованного: она позволяет легитимировать договор, но не позволяет четко определить применимые к нему положения[16]. Вместе с этим, Федоров Д.В. полагает, что отсутствие формулировки «иное имущество» в п. 4 ст. 454 ГК РФ вряд ли должно быть основанием для исключения квалификации отчуждения криптовалюты в качестве договора купли-продажи с точки зрения действующего законодательства.

В соответствии с п.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» [17] суд при оценке того, является ли договор непоименованным, принимает во внимание предмет договора, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и т.д. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – Постановление Пленума №49) [18] предусмотрено, что если из содержания договора невозможно установить, к какому из предусмотренных законом или иными правовыми актами типу (виду) относится договор или *его отдельные элементы* (непоименованный договор), права и обязанности сторон по такому договору устанавливаются исходя из толкования его условий. При

этом к отношениям сторон по такому договору с учетом его существа по аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) могут применяться правила об отдельных видах обязательств и договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами ГК РФ (пункт 2 статьи 421 ГК РФ).

Очевидно, что договор передачи углеродных единиц и договор купли-продажи имеют одинаковую цель — передача (отчуждение) объекта гражданских прав. В Законе о парниковых газах отсутствует наименование договора, а также детальные условия такого договора. Для целей настоящей статьи договор, заключенный в целях передачи углеродных единиц, будет определен как договор передачи углеродных единиц.

Согласно статьям 456 и 458 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, т.е. по сути инициировать действия по передаче товара, который считается переданным, в частности, в момент вручения товара покупателю. Аналогичную обязанность имеет продавец единиц, который должен направить распоряжение на списание единиц со счета. Единицы считаются переданными со дня внесения оператором соответствующей записи по счету приобретателя углеродных единиц. В обоих договорах покупатель обязан принять товар и уплатить за него предусмотренную договором цену.

Однако не все положения договора купли-продажи, предусмотренные ГК РФ, применимы к отношениям, возникающим по договору передачи углеродных единиц. Так, существенные условия и предмет указанных договоров различаются: договор купли-продажи не предусматривает передачи «иного имущества» покупателю, который в дальнейшем будет иметь вещные права на имущество. Не представляется возможной случайная гибель углеродных единиц; требования к комплектности единиц и их качеству, а также гарантия такого качества.

С одной стороны, между рассматриваемыми договорами есть схожие черты (цель заключения, права и обязанности), что может означать сходство отношений, возникающих из данных договоров и позволяет предположить возможность применения расширительной интерпретации института купли-продажи и включить сделки с углеродными единицами в периметр договоров купли-продажи. С другой стороны, различия в элементах договора (предмете, существенных условиях, виде прав (вещные права)), а также разъяснения Постановления Пленума № 49 не позволяют точно установить, к какому из предусмотренных законом или иными правовыми актами типу (виду) относится договор, в связи с чем можно квалифицировать договор передачи углеродных единиц как непоименованный. Как следствие,

к отношениям, возникающим в связи с заключением такого договора, будут применяться общие положения ГК РФ об обязательствах, соглашение сторон и аналогия закона, т.е. положения купли-продажи.

Учитывая изложенное, проблемой квалификации углеродных единиц в качестве иного имущества является неопределенность правового режима, применимого к договорам с ними, т.е. исходя из квалификации, нельзя определить какой договор должен опосредовать отношения, связанные с передачей углеродных единиц.

Видимо, в связи с появлением новых «бестелесных» сущностей, таких как углеродные единицы, единицы выполнения квоты, сертификаты происхождения электрической энергии, тарифные квоты, а также учитывая потребности участников рынка к совершению сделок с такими сущностями в ближайшем будущем необходимо внесение изменений в п.4 ст.454 ГК РФ, предусматривающих, что положения о купле-продаже применяются также и к иному имуществу (если квалифицировать подобные объекты гражданских прав в качестве иного имущества).

Обращение углеродных единиц на организованных торгах.

В результате проведенного анализа научной литературы, законодательства и судебной практики, становится возможным определить допустимость обращения углеродных единиц на организованных торгах.

Согласно пп.7 ч.1 ст.2 Закона об организованных торгах организованные торги - торги, проводимые на регулярной основе по установленным правилам, предусматривающим порядок допуска лиц к участию в торгах для заключения ими *договоров купли-продажи товаров*, ценных бумаг, иностранной валюты, договоров репо и договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. При этом под товаром понимаются не изъятые из оборота *вещи* (за исключением ценных бумаг, иностранной валюты) определенного рода и качества, любого агрегатного состояния, допущенные к организованным торгам. Таким образом, очевидно, что законом напрямую допускается заключение на организованных торгах договоров купли-продажи вещей (товара), что, с одной стороны, делает невозможным допуск углеродных единиц к торгам и их обращение на торгах. Однако в соответствии с частью 7 статьи 4 Закона об организованных торгах на организованных торгах могут заключаться как договоры прямо им предусмотренные, так и *иные договоры* в порядке, предусмотренном правилами организованных торгов. Полагаем, что данная норма является достаточно широкой, и может быть истолкована

как разрешение заключать на биржевых торгах не только указанные в Законе об организованных торгах виды договоров, т.е. договоры купли-продажи, но и допускать к обращению иные объекты договоров, к которым может относиться и любое «иное имущество» или имущественные права. На первый взгляд представляется, что данное допущение лишает смысла перечисление в законе конкретных объектов договоров, таких как товар, ценные бумаги и иностранная валюта, а также создает возможность для злоупотреблений путем предоставления возможности допуска к организованным торгам любых объектов. Однако в рассматриваемой норме имеется важное уточнение: иные договоры могут заключаться в порядке, предусмотренном правилами организованных торгов. Поскольку правила организованных торгов подлежат регистрации в Банке России (часть 9 статьи 4 Закона об организованных торгах), то, видимо, на этапе регистрации Банк России должен устанавливать, может или нет иной вид договора быть предметом организованных торгов. Вместе с этим, широкая трактовка нормы части 7 статьи 4 Закона об организованных торгах создает неопределенность для участников рынка (в том числе в отношении возможного подхода к трактовке данной нормы Банком России), в связи с этим представляется необходимым более четко определить перечень объектов, которые могут относиться к товару. Отметим, также, что для целей регулирования отношений, возникающих на организованных торгах, товар необходимо рассматривать и в экономическом смысле, поскольку участники биржевых торгов в первую очередь являются субъектами экономического рынка. Понимание товара в гражданско-правовом смысле отличается от понятия товара в экономическом смысле, означаящем любые блага, которые могут быть обращены в денежные средства. Исходя из экономического понимания товара, можно сделать вывод, что к товару могут относиться любые объекты, которые обладают ценностью, выраженной в денежной форме.

Таким образом, учитывая важность биржевых торгов в целях формирования репрезентативных индикаторов и рыночного ценообразования, необходимо было бы внести изменения в пп.9 ч.1 ст. 2 Закона об организованных торгах, дополнив определение товара указанием на *иное имущество или имущественные права*, которые могут быть допущены к организованным торгам. При этом Банку России как регулятору необходимо установить требования к порядку допуска и обращения «иного имущества» или имущественных прав на биржевых торгах.

Учитывая результаты проведенного анализа правовой природы углеродных единиц и применимого

к сделкам с ними правового режима, можно отметить сложившуюся, полагаем в силу новизны данного инструмента, правовую неопределенность.

De lege lata не остается сомнений, что углеродные единицы относятся к иному имуществу, но не имущественным правам, поскольку в Законе о парниковых газах отсутствует упоминание об обязательственных и иных правах, удостоверяемых углеродными единицами. Однако такая классификация влечет достаточно сложное и не всегда понятное участникам гражданского оборота регулирование договорных отношений с единицами.

De lege ferenda представляется, что устранить сложившуюся правовую неопределенность возможно, если отнести углеродные единицы в будущем к имущественным правам.

Преимуществами данного подхода являются: во-первых, достижение определенности в части регулирования правового режима сделок с единицами — применение положений ГК РФ о купле-продаже, во-вторых, четкое определение предмета организованных торгов, допускаемого к торгам, в-третьих, имущественные права — инструмент, понятный участникам экономического и гражданского оборота (инвесторам, производителям и др.), использование которого позволит стимулировать к развитию национальную систему углеродного регулирования и систему биржевой торговли углеродными единицами.

Недавно принятый Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», полагаем, также можно считать началом пути законодателя по квалификации углеродных единиц в качестве имущественных прав. В случае предоставления налоговых льгот, например, отмены НДС с продажи углеродных единиц, будет усматриваться право на уплату налогов в меньшем размере, что также может способствовать квалификации углеродных единиц в качестве имущественного права. Кроме того, такая квалификация могла бы ускорить признание странами ЕС и иными иностранными государствами российских единиц в целях уплаты трансграничного налога на выбросы, т.е. российским импортерам не пришлось платить углеродный сбор в бюджет ЕС либо сумма уплаты была бы минимальной в результате вычета суммы углеродных платежей, заплаченных в бюджет России, из суммы, подлежащей уплате в бюджет ЕС российским экспортером. Кроме того, предусмотренные в «сахалинском эксперименте» квоты выбросов парниковых газов близки, на наш взгляд, именно к имущественным правам.

Таким образом, полагаем, что в результате планируемого к проведению первого эксперимента по обращению углеродных единиц участниками рынка сформируется справедливая рыночная цена на бирже, что увеличит привлекательность углеродного рынка для самих участников и иностранных государств, а также будет способствовать усилению притока участников на товарный рынок. Развитие экономических процессов и экономической активности на рынке позволит постепенно определить наиболее понятный подход к рассмотрению углеродных единиц в качестве конкретного объекта гражданского права, а также правовой режим к договорам с ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 N 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // Собрание законодательства РФ, 08.11.2021, N 45, ст. 7556
2. Романова В.В. О приоритетных направлениях правовых исследований по энергетическому праву с учетом современной низкоуглеродной повестки // Правовой энергетический форум. 2021. № 4. С. 13–20.
3. См. об этом подробнее: Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. — 186с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 12.12.2014
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. №24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 9.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.11.2019 N Ф09-6328/19 по делу N А50-20679/2017 // <https://ras.arbitr.ru/>
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1116605-7 «Об ограничении выбросов парниковых газов» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1116605-7>
8. Директива 2003/87 Европейского парламента и Совета от 13 октября 2003 г. о системе торговли сертификатами на эмиссию газов, создающих парниковый эффект в обществе [Директива о торговле эмиссионными сертификатами] // ABl. L 275 от 25 октября 2003 г., с. 32.
9. European Commission, Directorate-General for Climate Action, Reins, L., Ballesteros, M., Bart, I., et al., Legal nature of EU ETS allowances: final report, Publications Office, 2019. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2834/014995>
10. Masters project submitted in partial fulfillment of the requirements for the Master of Environmental Management degree in the Nicholas School of the Environment of Duke University - Legal nature of the emission allowance in china's national carbon trading scheme URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/bitstream/handle/10161/16535/Final%20Report-Legal%20Nature%20of%20The%20Emission%20Allowance%20in%20China%27s%20National%20Carbon%20Trading%20Scheme.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
11. Annunziata, F. (2021). Emission Allowances as Financial Instruments. In: Busch, D., Ferrarini, G., Grünewald, S. (eds) Sustainable Finance in Europe. EBI Studies in Banking and Capital Markets Law. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71834-3_14
12. Степанченко А.В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты // под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 510 – 519.
13. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, “иное имущество” и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С.43–77
14. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30 – 74
15. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 157 – 180.
16. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. №8. С. 136 – 153.
17. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» // «Вестник ВАС РФ», №5, май, 2014
18. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // «Российская газета», № 4, 11.01.2019

REFERENCES

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-p on Approval of the Strategy of Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050 dd. October 29, 2021 // Official Gazette of the Russian Federation, November 8, 2021, No. 45, Art. 7556.

2. Romanova V.V. On the Priority Areas of Legal Research in Energy Law Taking into Account the Modern Low-Carbon Agenda // Energy Law Forum. 2021. No. 4. P. 13–20.
3. For details see: Simvolokov O.A. Contracts in the Electric Power Industry: Problems of Theory and Practice : Monograph. Moscow : Infotropic Media, 2021. — 186 p.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 31-П in the Case of Verification of the Constitutional Nature of Parts Six and Seven of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in View of the Complaint of Gloria Closed Joint-Stock Company dd. December 10, 2014 // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, December 12, 2014.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 on Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption-Related Crimes dd. July 9, 2013 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. No. 9.
6. Resolution of the Ural District Commercial Court No. Ф09-6328/19 dd. November 22, 2019 in Case No. А50–20679/2017 // <https://ras.arbitr.ru/>
7. Explanatory Note to Draft Federal Law No. 1116605-7 on Limiting Greenhouse Gas Emissions // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1116605-7>
8. Directive 2003/87 of the European Parliament and of the Council dd. October 13, 2003, Establishing a Scheme for Greenhouse Gas Emission Allowance Trading Within the Community [Emission Allowance Trading Directive] // ABl. L 275 dd. October 25, 2003, p. 32.
9. European Commission, Directorate-General for Climate Action, Reins, L., Ballesteros, M., Bart, I., et al., Legal nature of EU ETS allowances: final report, Publications Office, 2019. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2834/014995>
10. Masters project submitted in partial fulfillment of the requirements for the Master of Environmental Management degree in the Nicholas School of the Environment of Duke University - Legal nature of the emission allowance in china's national carbon trading scheme URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/bitstream/handle/10161/16535/Final%20Report-Legal%20Nature%20of%20The%20Emission%20Allowance%20in%20China%27s%20National%20Carbon%20Trading%20Scheme.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
11. Annunziata, F. (2021). Emission Allowances as Financial Instruments. In: Busch, D., Ferrarini, G., Grünewald, S. (eds) Sustainable Finance in Europe. EBI Studies in Banking and Capital Markets Law. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71834-3_14
12. Stepanchenko A.V. On the Legal Essence of Cryptocurrency // ed. by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsov, G.Ya. Borisevich, L.V. Borovykh, Yu.V. Vasilieva, S.G. Mikhailov, S.B. Polyakov, A.S. Telegina, T.V. Shershen // Perm Legal Almanac. Annual Scientific Journal. 2019. No. 1. P. 510–519.
13. Yankovsky R.M. Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, “Other Property”, and Digital Money // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 4. P. 43–77.
14. Fedorov D.V. Tokens, Cryptocurrency, and Smart Contracts in National Draft Laws from the Standpoint of Foreign Experience // Civil Law Bulletin. 2018. No. 2. P. 30–74.
15. Sazhenov A.V. Cryptocurrencies as a New Kind of Intangible Things // Modern Information Technologies and Law : Monograph / Lomonosov Moscow State University, Law Faculty / ed. by E.B. Lauts. Moscow : Statut, 2019. P. 157–180.
16. Savelyev A.I. Cryptocurrencies in the System of Objects of Civil Rights // Law. 2017. No. 8. P. 136–153.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 16 on the Freedom of Contracts and Its Limits dd. March 14, 2014 // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation, No. 5, May 2014.
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 on Certain Issues of Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts dd. December 25, 2018 // Rossiyskaya Gazeta, No. 4, January 11, 2019.

Сведения об авторе:

Сидорова Елена Алексеевна – Вице – президент АО «СПбМТСБ» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Хачатурова Ксения Игоревна – начальник отдела товарного и срочного рынков Юридического управления АО «СПбМТСБ» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Authors' information:

Elena A. Sidorova

Vice-President of SPIMEX, JSC (Saint Petersburg, Russian Federation)

Kseniya I. Khachaturova

Head of Commodity and Derivatives Market Department of the Legal Division of SPIMEX JSC (Saint Petersburg, Russian Federation)

Поступила в редакцию / Received 27.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.11.2022

Принята к публикации / Accepted 10.11.2022